

На правах рукописи

Ширяева Оксана Витальевна

**СЕМАНТИКА ПОВТОРА
И РАЗНОУРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА
ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ
В ИДИОСТИЛЕ Д. ХАРМСА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.02.2009

Ростов-на-Дону – 2009

**Работа выполнена на кафедре «Филология»
НОУ ВПО «Институт управления, бизнеса и права»**

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Кудряшов Игорь Александрович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент
Куликова Элла Германовна
кандидат филологических наук, доцент
Чалый Виктор Валентинович

Ведущая организация:

Кемеровский государственный университет

Защита состоится «24» апреля 2009 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.208.17 по филологическим наукам при ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Педагогического института
ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Автореферат разослан « 21 » марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.О. Григорьева

Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике не освещены языковые аспекты поэтической техники Д. Хармса, не установлены специфические особенности идиостиля автора. На уровне идиостиля Д. Хармса языковой повтор не проанализирован как проявление авторского стремления избежать разложения слов, создать словесную оболочку для предметов, существовавших до этого лишь потенциально. При лингвистической интерпретации хармсовского текста представляется актуальным обращение в первую очередь к языковым средствам выражения в аспекте соотношения образного и логического. Язык русского авангардистского сознания, воплощенный в идиостиле Д. Хармса, содержит значительный потенциал для художественного дискурса современности, который еще предстоит познать и освоить.

Объектом исследования в данной работе стали разноуровневые средства выражения повтора в единстве их структуры и семантические особенности в языке прозы и поэзии Д. Хармса, рассматриваемые как показатель идиостиля автора, стилистически значимые языковые формы, отражающие его концептуальные авангардистские представления о процессах социальной действительности, в отрыве от догматических языковых норм и стереотипов.

Предмет исследования – проблема выбора разноуровневых средств языковой аналогии, выраженной в феномене параллелизма, конкретным представителем русского авангардизма (Д. Хармсом) в процессе его прозаического и поэтического творчества как одного из показателей особенностей идиостиля автора, средства реализации конкретных языковых стратегий в художественном тексте Д. Хармса. Решение данной проблемы предполагает анализ функций повторов в языке прозы и поэзии автора.

Основная цель диссертационной работы – осмысление повтора как важнейшего репрезентанта смысла текста и фрагмента авторской картины мира, как продукта русского авангардистского творчества.

В свете поставленной цели определились частные исследовательские задачи работы:

1) выявление когнитивных оснований, поэтической специфики языкового повтора в идиостиле Д. Хармса в контексте русского авангардистского творчества;

2) детализированное исследование системы языковых повторов как одной из стилевых и синтагматических составляющих идиостиля Д. Хармса;

3) анализ авторской поэтической техники языковых повторов и оснований целостности художественного текста при их актуализации;

4) определение прагматических функций повторов в процессе актуализации авторского замысла.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Языковые повторы – один из важнейших элементов игрового стиля Д. Хармса, проливающих свет на мироощущение писателя, истоки его языковой картины мира, которая, в свою очередь, предопределена эстетической системой русского авангардистского творчества. Языковые повторы являются своеобразным ключом к определению лингвистических и экстралингвистических основ мировоззрения и глубинных мотивов речевого поведения Д. Хармса и предстают языковым способом «извлечения» бытия из небытия, превращения пустоты несуществования в реальность предметного мира.

2. Специфика феномена хармсовского повтора раскрывается в процессе межуровневого взаимодействия речевых единиц. Стилистика экспериментальной прозы Д. Хармса определяется регулярным использованием повторов на семантико-стилистическом и структурном уровнях. Структура и семантическое наполнение разноуровневых средств выражения повтора во многом определяются индивидуальными чертами преобразующей языковой личности автора. Представляя собой линейно совмещенный параллелизм разных языковых уровней, повтор в произведениях Д. Хармса создает основу для множественного синтагматического расслоения текста, становится средством очищения реальности, разрабатываемой автором в контексте его собственных внутренних противоречий и методологических приоритетов русского авангардистского дискурса.

3. Поэтическая техника языковых повторов включает актуализацию скрытых смыслов, ассоциативные и интертекстуальные связи, заложенные в текст автором как средство сознательного манипулирования готовыми знаковыми системами в культуре при вписывании их в более широкий культурный и философский контекст. Целостность художественного текста Д. Хармса при актуализации языковых повторов держится в типологическом отношении на грамматических связях, на повторениях мотивов, на ассоциациях, многие из которых восходят к архетипам и не всегда осознаются самим автором. Их текстообразующая функция является при этом основной.

4. Важнейшим транслятором авторского замысла в области структурно-семантической организации повтора выступает синтаксис, роль которого связывается, как правило, с согласованностью прагматических действий синтаксических структур, устанавливающих сложную систему смысловых завершений в развертывании русской художественной речи. Разноуровневые средства выражения повтора связаны с характером авторизации художественного текста, создаваемыми автором «модусными рамками», полифоничностью звучания голосов героев; служат одним из способов создания наделенного индивидуальной речью образа персонажа.

Методологическая база исследования. Общенаучные методологические основы исследования опираются на принципы системности, антропоцентризма и детерминизма. Принцип антропоцентризма определяет человеческий фактор в языке в качестве ведущего, диктующего специфику авторского выбора разноуровневых средств языкового повтора в идиостиле Д. Хармса. Принцип системности обуславливает такой подход к описанию языкового повтора, в соответствии с которым он рассматривается в качестве одного из классов поэтических языковых средств. Он также определяет комплексное описание повторов с учетом их семантики и речевого употребления.

Частнонаучными методологическими принципами диссертационной работы послужили научные концепции отечественных лингвистов в области русского синтаксиса вообще (Г.Н. Акимова,

В.В. Виноградов, Г.Ф. Гаврилова и др.) и структуры и семантики языкового повтора в частности (И.Ф. Амроян, Г.В. Векшин, И.Н. Чеплыгина и др.), а также стилистические интерпретации произведений Д. Хармса (Н.В. Гладких, Ж.-Ф. Жаккар, А.А. Кобринский и др.).

Инструментом познания источников смыслопорождения, воплощенных в художественном дискурсе, предстает метаязыковая рефлексия наблюдателя как адресата текста. Поэтому основным методом данной работы является эмпирический интроспективный метод. В диссертации применены также методы имманентного и системного анализа, миропорождающего анализа, составление классификационных схем, обусловленных наличием элементов метода статистического подсчета.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка дать комплексное системное описание структуры и семантики разноуровневых средств выражения языкового повтора как средства структуризации художественного текста Д. Хармса; структурно-семантические средства современного русского языка описаны с точки зрения прагматической установки, носителем которой является автор как языковая личность и как представитель определенного литературно-художественного направления.

Определенную новизну имеет многоаспектный подход к анализу исследуемого феномена, включающий функционально-коммуникативный и антропоцентрический аспекты. Функциональные возможности языкового повтора описаны иерархически. Прозаические и поэтические произведения Д. Хармса представлены как результат динамического взаимодействия разноуровневых средств языковой аналогии, выраженного в феномене параллелизма.

Теоретическая значимость исследования вытекает из осмысления языковой картины мира, образного пространства, поэтической ментальности личности Д. Хармса, ее духовной культуры, национального своеобразия. Образная репрезентация феномена языкового повтора в художественном тексте позволяет обнаружить общеязыковые универсалии и индивидуальные черты идиостиля Д. Хармса. Теоретическая значимость работы состоит также

в том, что результаты, полученные в итоге комплексного многоаспектного анализа разноуровневых способов выражения повтора в художественных текстах Д. Хармса, расширяют представления об особенностях функционирования линейно совмещенного разноуровневого параллелизма в современном русском языке. Это позволяет приблизиться к разгадкам таинства выбора авторами данного направления того или иного средства для выражения точки зрения на предметы и явления объективной действительности.

Материалом исследования стали прозаические произведения Д. Хармса постобэриутского периода, начавшегося после возвращения поэта из ссылки осенью 1932 года. В данных произведениях, как представляется, непосредственно реализуется авторская метафизико-поэтическая концепция, базовые положения которой возводятся к доминировавшим в первой половине XX века философским, религиозным, оккультным доктринам.

Практическая ценность работы заключается в применении ее результатов в преподавании теоретических и практических курсов русской стилистики, теории текста, авангардистской поэтики, использовании в прикладных сферах теории языка и литературы, в частности – для изучения лингвистических аспектов взаимодействия философского и художественного дискурсов в авангардной русской литературе XX века. Определение поэтической техники языковых повторов в ее функциональной перспективе позволяет сформировать практически применимые представления о правилах построения русского авангардистского текста, приблизиться к пониманию того, что содержательная и формальная стороны авангардистского текста существуют в неразрывном единстве (использование приема языкового повтора продиктовано содержанием и целью, которую преследовал создатель текста).

Апробация диссертации. Результаты работы представлены на Международной научной конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 2006), на Международной научно-практической конференции «Образование и наука – основной ресурс третьего тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2006).

Специфика работы, представленная цель и сформулированные задачи исследования определили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, где дана общая характеристика данной работы, трех глав, которые включают в себя теоретические аспекты анализа и оригинальную классификацию лексико-семантических повторов в произведениях Д. Хармса, заключения и библиографии, включающей 213 источников.

Общий объем работы – 155 страниц.

Глава 1 **«Теоретико-методологические основы анализа авангардистского дискурса Д. Хармса»** состоит из трех разделов. В разделе 1.1. **«Языковая игра как способ конструирования эстетической и социальной реальности в тексте авангарда»** обобщаются сложившиеся в науке подходы к явлению языковой игры. В диссертации мы исходим из следующего его понимания: игровой текст – это игровая система, все элементы которой размещаются с изначально подразумеваемой задачей работать на игру с читателем. Господствующая здесь игровая стихия ведет к формированию особой игровой стилистики, особенностью которой является установка на языковую игру.

В разделе 1.2. **«Когнитивно-художественное своеобразие языковой личности Д. Хармса»** подробно анализируются подходы к изучению языка писателя и структурообразующие смысловые концепты его произведений. Последовательно отмечается, что тенденция к деконструкции и дегуманизации становится у Д. Хармса ведущим принципом построения художественного космоса.

Исследования произведений Д. Хармса с точки зрения их структурно-языковой специфики весьма малочисленны, поэтому постановка данной проблемы, представляющей особый интерес, освещается в разделе 1.3. **«Повтор как сильная позиция смыслообразования в языке прозы Д. Хармса и традиция его анализа в современной лингвистике»**.

Несмотря на то, что в лингвистической литературе существует давняя длительная традиция изучения лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического повтора,

недостаточная изученность этого явления доказывается неоднозначностью его определения и отсутствием четких, имеющих определенные критерии классификаций.

Представляется, что многообразие видов языковых повторов – характерная черта игровых текстов Д. Хармса. Именно этой проблеме посвящена глава 2 «Проблема типологической классификации повторов в идиостиле Д. Хармса».

В разделе 2.1. «Семантико-стилистическая классификация повторов» явление повтора рассматривается в связи с проблемой целостности и семантической связности текста. В текстах Д. Хармса как высокоорганизованных художественных единствах присутствуют следующие типы повторов:

– полный тождественный повтор (*Я щупаю ее люб. Люб холодный*);

– частичный лексико-семантический повтор, основанный на переходе из одной части речи в другую (*Я ложился на кровать и начинал улыбаться (глагол). Я улыбался (глагол) по двадцати минут зараз, но потом улыбка (сущ.) переходила в зевоту*);

– тематический повтор (*Я прихожу домой, <...> и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть. <...> Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. <...> Они лежат в своих кроватках <...> Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что еще целый месяц должны пролежать в постелях. <...> Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть <...> Я вскакиваю и выключаю ее, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне не хочется спать. <...> Теперь мне хочется спать, но я спать не буду*). В данном примере все выделенные лексемы соотнесены с мотивом сна, неподвижности, безуспешной попыткой обрести покой;

– синонимический повтор (*Куда бы я ни посмотрел, всюду эта дурацкая рожа арестанта. Хорошо бы сапогом по этой морде*);

– антонимический повтор (*Кончился табак и Гиммелькумову нечего было курить. Он сосал пустую трубку, но это еще больше увеличивало пытку. Так прошло часа два. А потом табак появился*);

– дейктический повтор (*Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя*);

– выражение универсальных логико-смысловых отношений как средство связности текста (*А я сяду как можно ближе. <...> Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. А встречу я её, будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: «Как хорошо сидеть с вами»»). Функцию соотнесения текстовых фрагментов выполняет союз *а*. Этот повтор, как видно, осложнен синтаксическим параллелизмом (*я сяду, я окажусь, встречу я*);*

– согласование грамматической семантики, грамматический повтор (*Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить по комнате, куря трубку и обдумывая свое положение. Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод все сильнее и сильнее <...> Я еще раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара. Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги*);

– синтаксический параллелизм (*Скорей бы он трогался! Скорей бы он трогался! (– Попробуй! – насмешливо сказали мне мои собственные мысли <...> – Подожди! – закричали мне мои собственные мысли)*);

– комбинированный тип повторов – совмещение двух или более перечисленных выше разновидностей. Комбинированный тип ярко демонстрирует мастерство автора, усложняет семантическую структуру повествования. В результате текст привлекает изощренным смысловым узором, становится более интересным для читателя: *Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть пальцем, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и, в конце концов, умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда. Конечно, в*

данном эпизоде присутствует тематический повтор, который связан с мотивом чудесного: *рассказ о чудотворце, может сотворить любое чудо, стоит ему только махнуть пальцем* и т.д.; с мотивом Знания и Способности: *он знает, может сотворить, может этот сарай превратить* и т.д.; и, наконец, с мотивом на первый взгляд немотивированного отказа от этого Знания и Способности, т.е. от чуда: *он этого не делает, продолжает жить в сарае, умирает, не сделав... ни одного чуда*. Присутствует и полный тождественный повтор: повторяются существительные *квартира, сарай*, глаголы *мочь, делать* и т.д., а также частичный лексико-семантический повтор: *чудо – чудотворец*. Далее, пример дейктического повтора: *чудотворец – который – он*; семантического повтора: *махнуть пальцем – сотворить любое чудо – превратить*. Особо значим повтор синтаксический – он еще больше акцентирует основную мысль отрывка: неоднократно повторяются, проходят своеобразным рефреном по всему отрывку предложения *он знает*, а также *но он не делает этого*. Естественно, присутствует и грамматический повтор – согласование глагольных форм. В итоге автор конструирует сложный смысловой узор, что, несомненно, акцентирует внимание читателя на этом отрывке, напоминающем притчу. Все вышеперечисленные разновидности повторов обеспечивают единство экспериментального текста как на формальном, так и на семантическом уровне.

Данная работа посвящена изучению лексико-семантических повторов в структуре прозаических текстов Д. Хармса. В связи с этим в разделе 2.2. «Структурная классификация повторов» были представлены две оригинальные классификации, репрезентирующие предмет исследования: 1) количественная классификация повторов, учитывающая количество повторяющихся слов; 2) локальная классификация повторов, учитывающая их местоположение в тексте.

Так, в разделе 2.2.1. «Количественная конфигурация повторов» описана классификация, учитывающая количество повторяющихся слов в прозаических текстах Д. Хармса. Основные положения количественной классификации можно представить следующим образом:

1. Повтор одного слова:

– повтор существительного в именительном и косвенных падежах (*Из паровозной трубы шел пар, или так называемый дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсаленной и помятой*);

– повтор глаголов (*Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает*);

– повтор прилагательных (*Вы меня, барышня, напрасно боитесь. Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика. Дядя Мика любит таких маленьких барышень, как вы <...> Дядя Мика очень добрый*);

– повтор наречий (*Там, где нельзя было достать двумя руками, старичок чесался одной, но зато быстро-быстро. И при этом быстро мигал глазами*);

– повтор местоимений (*Впереди весь день, и вечер, и вся ночь*);

– повтор нечленораздельных звуков, возможно, звукоподражаний, значение которых в тексте определить довольно трудно (*Жена и дочь (из-за двери): бэ бэ бэ бэ бэ! Мэ мэ мэ мэ мэ!*);

– повтор междометий (*Здравствуйте, здравствуйте, Матвей Филиппович, – сказал я ему и прошел в ванную комнату*);

– повтор союзов, вводных слов, предлогов (*Если она будет сидеть прямо, то, пожалуйста, дотянусь, но если она отклонится к стенке, то, пожалуйста, не дотянуться*);

– повтор слов «да», «нет» (*– Да, да, да, – сказал Сакердон Михайлович*);

– комбинированные случаи (таких у Д. Хармса подавляющее большинство), где всевозможные виды повторов взаимодействуют и, безусловно, являются самыми выразительными и интересными.

2. Повтор словосочетаний (*Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошел к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню*).

3. Повтор части / целого предложения (*У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым*).

В пределах локальной классификации (2.2.2. «Локальная конфигурация повторов»), учитывающей местоположение повторов в тексте, выделяются:

1. Контактные повторы: 1) одиночные контактные повторы (*На Фонтанке я подошел к ларьку и на оставшуюся мелочь выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошел дальше с мерзким вкусом во рту*); 2) цепочка контактных повторов (*А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай, на птичий двор, на птичий двор к своим курам*);

2. Дистантные повторы: 1) дистантные повторы в пределах предложения (*Теперь сюда положим дорожку, сюда поставим бутылку, тут рюмки, тут вазочка, тут судочек, тут баночка, а тут хлеб*); 2) в пределах нескольких предложений / абзаца (*Дядя Мика играет с такими барышнями в разные игры и угощает маленьких барышень вкусными шоколадными пупошиками. Дядя Мика очень добрый. Сейчас добрый дядя Мика разденет маленькую барышню и положит ее голенькую на шелковую подушку*); 3) в пределах нескольких абзацев (*Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина*.

Тов. Машкин следил глазами за тов. Кошкиным. Тов. Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги...); 4) в диалогах (*П. М. – Конечно. Конечно. Садитесь! Ил. Сем. – Садитесь конечно! Конечно!*); 5) в ремарках (*Ольга Петровна (ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается). Евдоким Осипович: Тюк! Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену). Евдоким Осипович: Тюк! Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену)...); 6) в пределах всего текста (243. *Один толстый человек придумал способ похудеть. И похудел. К нему стали при- ставать дамы, расспрашивая его, как он добился того, что поху- дел. Но похудевший отвечал дамам, что мужчине худеть к лицу, а дамам не к лицу, что, мол, дамы должны быть полными. И он был глубоко прав*); 7) в заголовках (*О явлениях и существованиях № 1; О явлениях и существованиях № 2*).*

Д. Хармс при отражении собственного видения бытия и реализации художественной задачи прибегает как к контактному, так и к дистантному повтору. При контактном повторе выражение экспрессии, безусловно, усиливается. Однако в каждом конкретном случае тот или иной вид повтора выполняет определенную функцию, каждая из которых подробно анализируется в работе.

Глава 3. «Аспект индивидуализации смыслов повтора как показатель идиостиля Д. Хармса» посвящена многообразию значений того или иного вида повторов, поскольку значение каждого повтора зависит от множества факторов: целевых установок языковой личности автора, контекста, жанра произведения, а также семантики и грамматических свойств удваиваемых слов.

В разделе 3.1. «Языковой повтор как отражение мировоззренческой установки автора» особое внимание уделяется

тем художественно-стилистическим функциям повтора, которые возникают в авангардистском дискурсе: ассоциативно-композиционная (развертывание текста по ассоциативному принципу); усложняюще-перцептивная (затемнение смысла, усложнение восприятия текста); фоно-ритмическая (внесение элементов фонетической и ритмической организации поэтического текста в прозу).

В разделе 3.2. «Повтор как способ языковой игры в авангардистском дискурсе Д. Хармса» предлагается оригинальная классификация функций повторов в игровых прозаических текстах Д. Хармса. Критерием выделения функций повторов и порядка их очередности предстает нарастание контекстуального совмещения языковых средств аналогии, нарушающих автоматизм их восприятия за счет конструирования аномального, но достоверного мира. Согласно данному критерию разработанная нами классификация включает следующие функции:

– эмоционально-усилительная функция, подчеркивающая смысловую значительность и убедительности высказывания, в целом придающая выразительность произведению (*Бабушка: Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не уходишь? Ты слышишь? Уходи вон! Ну? Убирайся*

вон! (Бобров уходит) Бабушка: Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите, какой мерзавец!);

– функция обозначения длительности или интенсивности действия (А слон увидел это и ну смеяться! Стоит и смеётся! Стоит и смеётся!);

– функция обозначения большого количества или массы предметов (Сулинапова: О, душа моя, столько новостей! Столько новостей!);

– ассоциативно-композиционная функция, которую могут выполнять повторы в небольших фрагментах текста (Серов, художник, пошёл на Обводный канал. Зачем он туда пошёл? Покупать резину. Зачем ему резина? Чтобы сделать себе резинку. А зачем ему резинка? А чтобы её растягивать);

– фоно-ритмическая функция, поскольку общеизвестно, что структурообразующая единица любого ритма – это повтор (Мать: Же? что такое же?/ Кока: Же-нить-ба!/ Мать: Ба? Как это ба? / Кока: Не ба, а же-нить-ба! / Мать: Как это не ба?/ Кока: Ну так, не ба и все тут!);

– интертекстуальная функция. Так, в повести «Старуха» присутствует большое число интертекстуальных элементов, отсылающих нас к произведению Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжении многих лет стоящий в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!... Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я бы мог, не входя еще в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор);

– функция маскировки отсутствия сюжета – с точки зрения писателей-авангардистов, символа произвольных, недетерминированных связей событий и явлений (– Ну? – сказал молодой человек, ещё раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону, – Пойдемте в Европейку. – В Европейку? – спросила дама. – Ну ладно. Идёт. В Европейку так в Европейку!);

– философско-тематическая функция. Слова, фразы, повторяющиеся в замкнутых отрезках текста, затем появляются и за их пределами, характеризуя целое текста, как намеки на определенную тему или ее развитие, как обозначение концептов, важных для мировосприятия автора (*И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удастся отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным и я опять вижу свой страх*);

– функция создания каламбуров, не несущих иронической семантики (*Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия*). В данном случае причины создания каламбура лежат как в особенностях психофизиологических механизмов восприятия звукового потока речи, так и в тех смыслах, которые автор как субъект авангардистской культуры придает языковым знакам. Привычное звучание слов нарушается для актуализации их первичной номинации. Этот «антимир» строится для того, чтобы отчетливее осознать мир нормы, «освежить» язык и восприятие репродуцированного мира диалогичностью звучащего слова через повтор. Каламбуробразование как одна из функций повторов выявляет авторские особенности моделирования внешнего мира, который, безусловно, аномален, но при этом достоверен и далеко не ироничен;

– функция подчеркивания иронии, например, отчетливо проявляется в эпизоде похвалы бездарному писателю после пересказа его повести (*Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек, очень умный и очень хороший!*);

– функция актуализации обсессивного дискурса. В прозе и поэзии писателя обсессивный дискурс строится либо при помощи нагромождения чисел, либо при помощи навязчивого повторения одной и той же фразы. Некоторые экспериментальные тексты Д. Хармса, построенные на навязчивом повторении, ретардирующем становление сюжета, представляют собой несомненные художественные шедевры: (*Математик (вынимая шар из головы): Я вынул*

шар из головы. Я вынул шар из головы. Я вынул шар из головы. Я вынул шар из головы. В качестве частного случая актуализации обсессивного дискурса выделяется функция нарушения постулатов общения. Общеизвестно, что алогизм языка связан с нарушением различного рода постулатов общения. К примеру, тавтология в хармсовских текстах нарушает постулат об информативности, который предполагает, что каждое высказывание должно нести новую информацию (*Андр. Семен.: Хоть ты и математик, а честное слово, ты не умён. Математик: Нет, умён и знаю очень много! Нет, умён и знаю очень много! Нет, умён и знаю очень много!*);

– функция остранения. Художественный мир Д. Хармса очень жесток – его наполняют разорванные тела, сломанные челюсти, убитые младенцы. Однако читатель не воспринимает эту навязчивую жестокость через призму трагического. Прием повторения, дублирования сюжета, осложненный лексико-семантическими повторами, «остраняет» повествование (*Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась. Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбиющуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась. Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвёртая, потом пятая и т.д.*);

– функция актуализации экзистенциального мотива одиночества, непонимания (*Кока Брянский: Я сегодня женюсь. Мать: Что? Кока Бр.: Я сегодня женюсь. Мать: Что? Кока Бр.: Я говорю, что сегодня женюсь. Мать: Что ты говоришь? И т.д.*);

– функция утверждения сакральных свойств самого письма, которое воспринимается как возможность приблизиться к потустороннему миру, недоступному для сознания обычного человека (не-творца). Структурная организация некоторых произведений Д. Хармса отсылает читателя к поэтике текстов-заклинаний, которая во многом характеризуется лексическими повторами, синтаксическим параллелизмом.

Таким образом, повтор как конструктивный элемент является составляющей поэтики абсурда, которая, в свою очередь, призвана продемонстрировать абсурдность окружающей действитель-

ности (*Бобров: Ты куда? Жена: Туда. Бобров: Куда туда? Жена: Да вон туда. Бобров: Туда или туда?; Жена: Нет, не туда, а туда*). Реализация тех или иных видов повторов в произведениях Д. Хармса позволяет автору организовывать пространство художественного текста в соответствии с особенностями глубоко индивидуального и нестандартного мировосприятия, сталкивающего достоверность и абсурдность окружающей художника объективной действительности.

В разделе 3.3. «**Интертекстуально-пародийная функция повторов в произведениях Д. Хармса**» подчеркивается, что произведения Д. Хармса можно рассматривать как специфические игровые тексты с загадочными аллюзиями, не всегда поддающимися быстрой и однозначной расшифровке.

Интертекстуально-пародийная функция плеоназма в текстах Д. Хармса во многом реализуется на уровне 1) философско-культурологической и 2) социально-бытовой направленности его произведений. При этом философско-культурологическая составляющая интертекстуально-пародийной функции повторов последовательно отсылает читателя к тем или иным философским идеям, которые были объектом рефлексии в творчестве писателя, или же к определенным явлениям культуры, под непосредственным влиянием которых происходило формирование его личности.

В «**Заключении**» представлены результаты проведенного исследования.

Разбивая мир на повторяющиеся элементы, Д. Хармс пытается установить между ними новые – объективные связи. Объективация (остранение, доведенное до предела) становится одной из главных тенденций употребления языкового повтора в создании авторского текста. При этом изначальная установка, характерная для философии чинарей, заставляет автора избегать субъективности – и вследствие этого он пытается свести субъективность восприятия к минимуму. Языковой повтор отражает законы целостности мира сначала в фонетике, а затем и на уровне смысла. Целостность произведения держится на грамматических повторах, на повторениях мотивов, многие из которых восходят к артефактам и, пожалуй, не всегда осознаются самим автором. Своеобразие функ-

ционирования повторов, обозначающих артефакты, в эстетической системе Д. Хармса заключается в особой активности употребления этого класса слов, при котором слово-артефакт, повторяясь, выступает в своем номинативном значении, осложненном «семантическими приращениями». Традиционные образы в эстетической системе автора реализуются путем актуализации в словах-артефактах индивидуальных эстетических приращений, своеобразие которых обуславливает специфику идиостиля Д. Хармса.

Широта применения, многоаспектность семантической динамики и экспрессивная нагруженность языковых повторов в системе поэтических средств, свойственных идиостилю Даниила Хармса, свидетельствуют о продуктивности данного средства в реализации образных контекстов автора и демонстрируют его богатый эстетический потенциал в языке русского авангарда вообще. Наряду с традиционными образами и концептуальной лексикой, повторы проявляют свои потенциальные возможности служить типологической приметой стиля авангарда как литературного направления и выражением индивидуального своеобразия идиостиля Даниила Хармса.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. Ширяева, О.В. К вопросу о концептуализации и актуализации смысла в художественной картине мира: экспрессия идиостиля как прием [Текст] / О.В. Ширяева // Образование и наука – основной ресурс третьего тысячелетия: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д, 2006. – С. 638–643 (в соавторстве с И.Н. Чаплыгиной).

2. Ширяева, О.В. Типологическая классификация повторов в прозаических текстах Д. Хармса [Текст] / О.В. Ширяева // Объединенный научный журнал. – М., 2006. – № 12 (172). – С. 56–59.

3. Ширяева, О.В. Функции повторов в прозаических текстах Д. Хармса [Текст] / О.В. Ширяева // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы III меж-

дународной научно-практической конференции. – Бийск, 2006. – С. 368–372.

4. Ширяева, О.В. Явление повтора в прозаических текстах Даниила Хармса: опыт локальной классификации [Текст] / О.В. Ширяева // Образование и наука – основной ресурс третьего тысячелетия: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д, 2006. – С. 652–657.

5. Ширяева, О.В. Идиостиль Д. Хармса: своеобразие и семантика повторов [Текст] / О.В. Ширяева // Вестник Южно-Российского университета. – 2007. – № 3. – С. 106–111.

*6. Ширяева, О.В. Повтор как показатель идиостиля Д. Хармса: когнитивно-прагматический анализ [Текст] / О.В. Ширяева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 5. – С. 108–114.

Лицензия ЛР № 6543 от 22.11.99

Подписано в печать 20.03.2009. Формат 60x84¹/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 1 ф.п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 47.

ИПО ПИ ЮФУ:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.